

УДК 115**Понятие времени в антропологии Н.Н. Страхова****Попова Варвара Сергеевна**

Доктор философских наук, профессор,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
236041, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, 14;
e-mail: varyud@mail.ru

Савинцев Вячеслав Игоревич

Кандидат философских наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
236041, Российская Федерация, Калининград, ул. А. Невского, 14;
e-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу места и роли понятия времени в антропологии Н.Н. Страхова. Показано, что в концепции русского философа время является качественным показателем жизни организма; что время является коррелятом этапов жизненного совершенствования человека; что время выступает условием смыслового наполнения человеческого существования; что время участвует в осмыслении событийности собственного существования и определяет модель восприятия повседневности. Проведенный логико-аргументативный анализ приводит к выводу о том, что многие опорные обоснования в концепции Н.Н. Страхова определяются постулатом о совершенстве человека, а это порождает своего рода круг в его объяснительной модели мира и отражает присущий философу стиль мышления.

Для цитирования в научных исследованиях

Попова В.С., Савинцев В.И. Понятие времени в антропологии Н.Н. Страхова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 9А. С. 68-74.

Ключевые слова

Н.Н. Страхов, антропология, время, пространство, восприятие, понятие, аргументация, жизнь, организм.

Введение

Проблема философской интерпретации времени и пространства занимает важное место в творчестве Н.Н. Стрехова. Этой теме посвящены очерк «О времени» (1906 г.), а также отдельные главы и письма из ранней книги «Мир как целое» (1872 г.). Философ рассматривает время с натуралистической, метафизической, математической точек зрения. Он оперирует такими понятиями как «объективное время» и «субъективное время», «созерцательное время» и «время мыслительное».

Еще одна область, в которой рельефно представлен вопрос о времени – философская антропология. Тема человека в творчестве Н.Н. Стрехова имеет почти столь же краеугольное значение, что и у И. Канта. Так, в Предисловии «Мира как целого» он пишет, что «мир есть целое, имеющее центр; именно он есть сфера, средоточие которой составляет человек. Человек есть вершина природы, узел бытия. В нем заключается величайшая загадка и величайшее чудо мироздания. Он занимает центральное место по всем направлениям связей, соединяющих мир в одно целое; он есть главная сущность и главное явление, и главный орган мира» [Стрехов, 1872, с. 9]; а «... для человека исходною точкою должен быть сам человек...» [Стрехов, 1872, с. 15]. Можно убедиться в том, что в своей аргументации Стрехов постоянно исходит из этого антропного принципа. Поэтому, интересна интерпретация времени именно в пределах антропологической концепции Н.Н. Стрехова. Эта интерпретация проводится в двух аспектах: а) время бытия человеческого организма как природной системы и б) осмысление временности событий собственной жизни рефлектирующим субъектом.

Основная часть

Начнем с обобщенной характеристики концепции времени Стрехова как своеобразной метафизической пропедевтики дальнейшей антропологической интерпретации.

Пантеизм Н.Н. Стрехова исходит из представления о единстве мира. Эта базовая интенция творчества Н.Н. Стрехова обусловлена идеей о внутренней связанности явлений, их пронизанности трансцендентным и имманентным духовным началом. В связи с этим, время, наряду с пространством, осмысливается философом и как данность самого бытия, форма существования явлений, и как определенный эпистемологический инструмент в исследовании бытийных процессов. В работе «Мир как целое» Н.Н. Стрехов проводит линию «непустоты» пространственно-временных форм в мире явлений, полагая, что «...не только мировые явления совершаются во времени, но они по самой сущности своей временные; не только время их содержит в себе, но они сами неизбежно содержат в себе время» [Стрехов, 1872, с. 421]. Как видно, Стрехов проводит почти релятивистскую линию связанности временных изменений. Согласно его концепции, и время, и пространство отображают порядок природных изменений. Время в природе имеет постоянный однонаправленный вектор, распадающийся лишь в восприятии на события прошлого настоящего и будущего.

В опыте интерпретации времени («времени в восприятии») субъект, с точки зрения Н.Н. Стрехова, сталкивается с терминологическими трудностями: стремясь раскрыть его свойства, он невольно прибегает к метафорам, отчего образ времени предстает искаженным. Поэтому оптимальным языком для Стрехова становится язык геометрии, где пространственные и временные отношения представляются через описание примеров с точкой – метафорой настоящего (в этом случае проводится аналогия между точкой и мгновением) и прямой. В этой

ситуации бесконечная прямая аналогична бесконечно простирающемуся в обе стороны времени. Мыслитель представляет два способа отношений точки-мгновения и длящегося времени-прямой: а) когда точка движется по прямой от прошлого к будущему; и б) когда точка находится на месте, а прямая движется из будущего в прошлое. В первом случае, как полагает мыслитель, мы имеем дело с *объективным* временем потому, что «в нем мы и себя рассматриваем как часть существующего». Во втором случае мы имеем дело с *субъективным* временем: мы стоим на месте в своем жизненном настоящем, наблюдая преходящие процессы.

Какие же компоненты включает в себя время в восприятии? Н.Н. Страхов отмечает, что истинный факт встречи сознания со временем проходит лишь в настоящем, тогда как прошлое и будущее – достройки памяти и воображения: «Сущность памяти состоит в том, что она делает существующим для нас, находящимся налицо перед нами то, что уже не существует в действительности. Вследствие этого для нас прошедшее не исчезает» [Страхов, 1906, с. 411]. Таким образом, включение компонентов прошлого и будущего в познавательное поле созерцания делает получаемое знание субъективным, пригодным для прогнозов и предположений, с одной стороны, и воспоминаний, с другой. Кроме того, непосредственное созерцание в настоящем, работа памяти и воображения, а также мыслительная деятельность выводят нас, как полагает Страхов, за пределы предметной реальности (трансцендирование), обеспечивая событийный объем познаваемого процесса. На основании этого, русский философ различает время *созерцательное* (переживание процессов настоящего) и время *мыслительное*, отвлеченно выражающее единую линию прошлого, настоящего и будущего.

Итак, будучи формой природного бытия, время отображает постоянство процессов, свидетельствуя для субъекта об их порядке и слаженности.

Темпоральные взгляды Н.Н. Страхова в антропологии имеют на наш взгляд два аспекта: а) время бытия организма как природной системы и б) осмысление временности событий собственной жизни рефлектирующим субъектом.

Исходным является установка Страхова о человеке как венце природного творчества, как сложно устроенном, но связанном с предшествующими биологическими системами организме. Представляют интерес способы обоснования совершенства человека, предлагаемые Страховым, поскольку это раскрывает стиль его мышления и коренные постулаты его модели мира. Он исходит из своеобразной познавательной максимы о том, что «найти совершенство человека есть такая же неперемнная задача науки, как найти причины явлений» [Страхов, 1872, с. 235]. Тем самым Страхов задает гуманистический смысл и антропологическое измерение естественных наук. Его посыл не натуралистический, но гуманистический. Но в своем доказательстве центрального положения человека Страхов совершает своего рода круг, виток, который ограничен духом его философии. В «Мире как целом» мыслитель исходит из посылки: «Как нельзя сомневаться в том, что каждое явление имеет свою причину, так нельзя сомневаться и в совершенстве человека» [Страхов, 1872, с. 235]. Но несмотря на эту несомненность, все же аргументация необходима и должна привести нас к истинности вывода о совершенстве человека. Далее Страхов предпринимает такую аргументацию: «Человек есть совершеннейшее животное, какое возможно. Чувствительность, или способность воспринимать внешние впечатления, есть коренная, существенная черта животного. Следовательно, разнообразие восприятий и всякое другое их достоинство достигло в человеке до наибольшей возможной степени» [Страхов, 1872, с. 235-236]. Как известно из логики, получить общеутвердительное суждение в силлогизме можно только по модусу *Barbara*, однако, в приведенной Страховым конфигурации силлогизм не выстраивается. Но возможная следующая реконструкция его

рассуждения, которая придает ему правильное строение: «Всякое восприятие есть то, что в человеке достигло наибольшего совершенства». Это суждение вида **A** становится вместо вывода его пассажа посылкой. «Всякое (некоторые) восприятие есть черта животных». Суждение вида **A** либо **I**. «Следовательно, некоторые черты животного достигли в человеке наибольшего совершенства». Суждение вида **I**. Получаем силлогизм по 3 фигуре модуса **AAI** или **AI**.

Эта реконструкция позволяет сделать два вывода. Во-первых, о том, что мысль, которую обосновывает Страхов («способности к восприятию достигли в человеке наибольшей степени совершенства»), на самом деле служит посылкой, т.е. суждением, из истинности которого он исходит. Во-вторых, здесь можно получить только частный вывод по 3 фигуре силлогизма, а не общее правило (ведь только «Некоторые черты животного достигли в человеке наибольшего совершенства»). Страхов же настроен обнаружить существенное обобщение относительно природы человека. Это говорит нам о том, что формальная сторона аргументации для него не так важна, как важны зачастую, например, риторические средства убедительности (об этой черте аргументации Страхова в сравнении со стилем темпоральных размышлений Чичерина см. [Попова, Савинцев, 2023]; о риторико-герменевтических особенностях исследований Страхова см. [Мотовникова, 2016]). Можно заметить, что Страхов вплетает в повествование прекрасные метафорические выражения. Применяет риторические приемы, например, опровергая возможность приобретения человеком новых чувств и большего их совершенства, апеллируя к тому, что подобное доказательство составляет собой софизм типа «Рогатый», который явно ошибочен (см. [Страхов, 1872, с. 232]).

Кроме этого в «Мире как целом» можно встретить важные суждения концепции, истинность которых обосновывается, но на самом деле они являются в то же самое время предпосылочными («мы в них заранее уверены», как пишет философ), а значит, являются опорными в модели мира Страхова.

Разобраться в этой замкнутости аргументации Страхова помогает его статья под названием «Главная черта мышления». «Может ли следствие быть основанием самого себя?», - спрашивает Страхов? И отвечает на это отрицательно относительно объективного мира природы. Но при этом совершенно иная ситуация складывается в мире субъективном. [Страхов, 1895, с.110]. Человек познающий, осмысливая собственную сущность и «узловое» место в мире, направляет мысль к самой своей мысли. В частности, так поступает сам Н.Н. Страхов, размышляя о человеке. Но при этом Страхов выражает убежденность, что «мысль может предпосылать себе самую себя, может быть следствием, служащим самому себе основанием» [Страхов, 1895, с. 111]. Поэтому-то никакой познавательной ошибки в этом движении его мысли по кругу внутри антропологической системы нет. Зато выдерживаются более важные черты его исследовательской стратегии – установление связности всего со всем и следование диалектическому методу, которому он придавал большое методологическое значение (см. об этом подробнее [Антонов, 2010]).

Итак, превознося душевные свойства и познавательные способности человека, Страхов предлагает обратить внимание на целесообразность устройства человеческого тела. Динамический взгляд в его трудах преобладает над статическим: «Итак, – пишет Страхов, – организмы должны быть понимаемы как предметы существенно временные, то есть не как тела, но, скорее, как процессы. При том они суть процессы изменяющиеся, и по тому самому они ограничены во времени, имеют начало и конец» [Страхов, 1872, с. 119]. Размышляя над закономерностями организменных изменений в естественной истории, Страхов замечает, что эффективным будет тот способ рассмотрения, в котором акцент делается не на завершенных

телесных свойствах, а на факте самого становления. Жизнь, по мысли Страхова, неиссякаемый поток постоянных преобразований. Этот поток, для того, чтобы иметь определенность, оформленность и осмысленность, не должен восприниматься уходящим в бесконечность, подобно математической прямой, имеющей пространственное выражение, но лишенной смысловой определенности.

При рассмотрении свойств совершенствующейся жизни, необходимо учитывать ее пространственные и временные ограничения. «Организмы, – отмечает Страхов, – не только ограничены в пространстве, но имеют еще другое совершенство, то есть ограничены и во времени; зачатие и смерть – вот пределы, между которыми заключается жизнь, заключается столь же строго и точно, как сущность мертвого тела заключена в пространственных его границах» [1, с. 120]. Это положение выглядело бы достаточно банальным у Страхова, если бы пространственные и временные ограничения, традиционно осмысливаемые в западноевропейской метафизике как результаты греховного повреждения бытия, не рассматривались русским философом как «совершенства» жизни. Страхов уверен, что макромир нельзя измерять бесконечностью пространства, а время жизни человека – бесконечностью вечности потому, что это порождает мысли о ничтожестве человека. Но, как мы видели, некая исходная аксиома Страхова, к которой он хочет вернуться, совершив виток – это мысль о совершенстве и достоинстве человека. Поэтому конечность и ограниченность человека в пространстве и во времени – это совершенства его. «Совершенствами» являются не сами понятия времени, а овремененная реальность: зарождение жизни, ее возрастные трансформации и смерть.

В чем же идея этого совершенства? Применительно к человеку, совершенство выражается в распределении и функциональной слаженности его органов, а также в развивающейся силе его интеллекта. Однако природное совершенство не может быть бесконечным для организма: «Понятие о *бесконечном совершенствовании* невозможно, т.е. оно включает в самом себе непримиримое противоречие» [Страхов, 1872, с. 125]. Итак, все попытки представить себе совершенствование в бесконечности устраняют саму идею совершенствования, размывают его возможные критерии.

Стало быть, согласно Н.Н. Страхову, не только процесс возрастного укрепления имеет значения для «совершенствования», но и естественный итог – смерть.

Н.Н. Страхов не только истолковывает жизнь как факт совершенства, но и уделяет внимание особенностям человеческой рефлексии над временностью собственного бытия. Конечно, в словах философа мы не найдем глубокой разработки, свойственной, например, экзистенциалистам 20 в. Его подход фрагментарен и ограничен натуралистическим ракурсом видения проблемы. Философ отмечает, что «в нас существует живое стремление к новому в самом строгом смысле этого слова, – стремление к совершенно новому, к неиспытанному, неизведанному и потому беспредельно занимательному» [Страхов, 1872, с. 115]. Это связано с замечаемым философом психо-физическим параллелизмом, который, однако не представляет собой простых и пропорциональных корреляций. Мы действительно в своем феноменальном опыте вынуждены заключать от психических явлений к телесным, принимая за данность это нахождение в потоке времени благодаря пониманию непрерывной изменчивости [Страхов, 1872, с. 116]. В отличие от приводимых поэтов – Пушкина и Грибоедова, находящих печальными события жизни, длящиеся по кругу или уводящие к смерти, Н.Н. Страхов преисполнен натуралистическим оптимизмом, утверждая, что назначение каждого живого организма состоит, прежде всего, в реализации природного замысла совершенствования –

полноценного проживания всех жизненных этапов и реализации врожденных и приобретенных способностей.

Заключение

Таким образом, в рамках антропологической концепции Н.Н. Стрехова время, во-первых, является качественным показателем жизни организма (в противоположность только пространственному качеству объектов неживой природы), а временность – своего рода совершенством человеческого существа; во-вторых, оно выступает коррелятом этапов жизненного совершенствования человека; в-третьих, в противоположность дурной бесконечности, выступает условием смыслового наполнения человеческого существования, и, в четвертых, при осмыслении событийности собственного существования, становится моделью циклического или линейного восприятия повседневности. Все значимые объяснения в его концепции «исходят из» и «стекаются к» постулату о совершенстве человека. Мы не можем не заметить, что при этом Стрехов часто прибегает к метафорической аргументации. Ведь «Человек – это не проба пера, а гармоническая поэма» [Стрехов, 1872, с. 241].

Библиография

1. Стрехов Н.Н. Мир как целое. СПб.: Типография К. Замысловского, 1872.
2. Стрехов Н.Н. О времени, числе и пространстве // Стрехов Н.Н. Философские очерки. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1906.
3. Попова В.С., Савинцев В.И. Время и пространство в творчестве Н. Н. Стрехова и Б. Н. Чичерина // Научный результат. 2023. Том 9. Выпуск №2. С. 12-23.
4. Мотовникова Е.Н. Герменевтические стратегии в философской публицистике Н.Н. Стрехова (историко-философский анализ): дис. ... доктора филос. наук. М., 2016.
5. Стрехов Н.Н. Главная черта мышления // Философские очерки. С.-Пб.: Тип. Бр. Пантелеевых, 1895. С. 100-122.
6. Антонов Е.А. Философия науки Н.Н. Стрехова. // Научные ведомости БГУ. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 14 (85). Выпуск 13. С. 17-24.

The Concept of Time in the Anthropology of N.N. Strakhov

Varvara S. Popova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
236041, 14 A. Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: varyud@mail.ru

Vyacheslav I. Savintsev

PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
236041, 14 A. Nevskogo str., Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the place and role of the concept of time in the anthropology of N.N. Strakhov. It is shown that in the concept of the Russian philosopher, time is a qualitative indicator of the life of an organism; that time is a correlate of the stages of human life improvement; that time acts as a condition for the meaningful filling of human existence; and that time participates in the comprehension of the eventfulness of one's own existence and determines the model of perception of everyday life. The conducted logical-argumentative analysis leads to the conclusion that many key justifications in N.N. Strakhov's concept are determined by the postulate of human perfection, which creates a kind of circle in his explanatory model of the world and reflects the philosopher's inherent style of thinking.

For citation

Popova V.S., Savintsev V.I. (2024) Poniatie vremeni v antropologii N.N. Strakhova [The Concept of Time in the Anthropology of N.N. Strakhov]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (9A), pp. 68-74.

Keywords

N.N. Strakhov, anthropology, time, space, perception, concept, argumentation, life, organism.

References

1. Strakhov N.N. (1872). *Mir kak tseloe* [The world as a whole]. SPb.: Tipografiya K. Zamyslovskogo.
2. Strakhov N.N. (1906). *O vremeni, chisle i prostranstve* [On time, number, and space]. In Strakhov N.N. *Filosofskie ocherki* [Philosophical essays]. Kiev: Tip. I.I. Chokolova.
3. Popova V.S., Savintsev V.I. (2023). *Vremya i prostranstvo v tvorchestve N.N. Strakhova i B.N. Chicheryna* [Time and space in the works of N.N. Strakhov and B.N. Chicheryn]. *Nauchnyi rezultat* [Scientific result], 9(2), pp. 12-23.
4. Motivnikova E.N. (2016). *Germenevticheskie strategii v filosofskoi publitsistike N.N. Strakhova (istoriko-filosofskii analiz)* [Hermeneutic strategies in the philosophical journalism of N.N. Strakhov]: dis. ... doktora filos. nauk. M.
5. Strakhov N.N. (1895). *Glavnaya cherta myshleniya* [The main feature of thinking]. In *Filosofskie ocherki* [Philosophical essays]. S.-Pb.: Tip. Br. Panteleevykh, pp. 100-122.
6. Antonov E.A. (2010). *Filosofiya nauki N.N. Strakhova* [The philosophy of science of N.N. Strakhov]. *Nauchnye vedomosti BGU* [Scientific bulletins of BGU]. Series Philosophy. Sociology. Law, 14(85), pp. 17-24.